

— Очнулся...

Тихий, истончившийся до едва слышного шелеста голос разнёсся в беспросветной пустоте.

Он тяжело разлепил веки и едва заметно шевельнул пересохшими, заскорузлыми губами.

Невидимый собеседник продолжал сдавленно бормотать — вяло, будто смертельно устал повторять одни и те же слова, смазывая каждый звук:

— Девятый... Сперва изучи «Стратегическое руководство».

— ...?

Голова разрывалась от невыносимой боли. Выяснить, кому принадлежит голос, не было сил — он попытался хотя бы шевельнуть руками или ногами.

В ответ раздался глухой лязг. Запястья обжег ледяной металл, а следом накатила крушащая волна боли.

Он судорожно втянул воздух. Пальцы дрогнули, и тяжелые цепи ответили глухим, похожим на зверский рык гулом. Звук рокочущей волной расплылся по невидимому пространству и угас где-то над головой.

Плюх.

Сверху сорвался камень, с плеском упал в воду и обрызгал его ледяными каплями.

Хотя кругом царил непроглядная тьма, он догадался, что скован в глубокой, лишенной света пещере.

— Кто я? Где нахожусь... и кто ты такой? — воззвал он к невидимому голосу.

— Закрой глаза. Я передам «Стратегическое руководство» прямо в твоё духовное сознание, — прошелестел собеседник с немощью безнадежно больного.

Преодолевая дикую боль, он, напротив, широко распахнул глаза. На самом краю зрения сокрушительным всплеском ударила ослепительная белизна.

Из потоков света вырвался старинный фолиант. На его страницах разворачивалась история становления культиватора меча по имени Ло Юй.

Ло Юй в раннем детстве лишился родителей. Одержимый жаждой мести, он поступил в ученики к Почтенному Чэнъин из Школы Гор Фушань. Однако из-за выдающегося таланта юноша нажил себе заклятого врага в лице другого ученика Почтенного.

Этот старший брат не только всячески мешал Ло Юю отомстить, но и пытался совратить его на демонический путь. Желая выгнать Ло Юя из Школы Гор Фушань, он даже вступил в сговор с демоническими культиваторами.

К счастью, Почтенный Чэнъин вмешался вовремя, спас Ло Юя и предотвратил катастрофу...

— Прочёл? — своевременно подал голос невидимый собеседник. — Если всё, готовойся.

— К чему готовиться? — не понял он.

Ответа не последовало. «Стратегическое руководство» растаяло в воздухе, а тыльную сторону его правой кисти обожгло яростной, нестерпимой болью.

— Я поместил руководство в твоё духовное сознание. Захочешь свериться — просто подними правую руку.

— погоди! — чьё-то присутствие угасало, и он поспешно выкрикнул: — Я всё ещё не знаю, как меня зовут!

— ... Тебя зовут Янь Жунъи. Ты — культиватор меча.

— Янь Жунъи? — Преодолевая боль, он с трудом повернул затекшую шею на звук: — А сам-то ты кто?

Сгустившийся во тьме клубящийся мрак пришел в движение, и спустя мгновение из черной гущи донеслось:

— В этом мире я твой Наставник.

— Ладно, Наставник, — Янь Жунъи облизнул сухие губы и ощутил на языке солоновато-металлический вкус крови. — А что ты имел в виду, когда сказал «девятый»?

— Девятый — значит девятый, — в голосе Наставника прорезался странный, глухой смех, и клубы черного тумана задрожали. — Ты уже девятый, кто вселился в это тело.

Едва прозвучали эти слова, как пещеру захлестнула леденящая душу сырость.

Но Янь Жунъи даже не вздрогнул. Он лишь отстраненно и слегка скучающе зевнул.

Ожидаемой паники и дикого ужаса не последовало. Наставник даже растерялся:

— Неужели тебе не интересно, что стало с предшественниками?

— ... Ты прямо-таки сгораешь от желания рассказать?

Наставник хмыкнул:

— А ты и не спрашивал.

Тогда Янь Жунъи, чисто из вежливости, поинтересовался:

— И куда же делись первые восемь?

— Туда, где им самое место, — напустил на себя важный вид Наставник, предпочтя не замечать, как Янь Жунъи закатил глаза. — Твои предшественники, пользуясь этим телом, натворили... кое-каких мерзостей. И в эту затоку тебя упекли именно за их заслуги.

— Насколько же мерзких? — Помянув прочитанное в «Стратегическом руководстве», Янь Жунъи ощутил скверное предчувствие.

Однако Наставник промолчал. Клубящийся вокруг него мрак растаял в воздухе.

— Эй, ты ещё здесь?

Ему ответило лишь гулкое эхо.

Наставник исчез.

Янь Жунъи досадно дернул руками, надеясь сбросить цепи, но ответом была лишь острая, прошившая все тело игольчатая боль.

Он глухо зарычал, закусив губу.

Лязг! Лязг!

Тяжелое железо брякнуло о каменные стены пещеры.

Впрочем, этот грохот быстро перекрыл ровный, размеренный шаг.

Приближавшийся обладал глубокой культивацией и невозмутимым нравом. Он шел не спеша, неся с собой крошечный сгусток мягкого света.

Янь Жунъи, подобно мотыльку, инстинктивно уставился на пляшущее в темноте пятно.

— Очнулся? — Свет остановился прямо перед ним.

Оказалось, светилась вовсе не лампа, а птица, запертая в золоченой клетке. Перья у неё были грязно-желтые, но пышный хвост пылал ярким огнем.

Огненные отблески озарили юное лицо неопределенного пола.

— Учитель велел вызволить тебя, — заговорил юноша чистым, звонким голосом. Застенчиво прикрыв глаза прядями тонких волос, он добавил: — Учитель всегда тебе попустительствовал, вот и на этот раз...

— Ваншуй, на кой ты вообще разглагольствуешь с этой тварью? — грубый, язвительный голос бесцеремонно перебил юношу.

Человеческим языком заговорила птица в клетке.

— Фуси, не смей так разговаривать с братом Янь, — Ваншуй поднял клетку повыше. От этого движения во тьму посыпались снопы ярких искр.

При слабом свете Янь Жунъи сумел разглядеть на Ваншуе белоснежное одеяние с пышной темно-золотой вышивкой по рукавам и полу.

Голова отозвалась тупой болью — в сознании всплыли чужие, не принадлежащие ему воспоминания.

Так одевались ученики Школы Гор Фушань.

Рядовые адепты носили синие одеяния с белым узором, а обладатели выдающихся талантов — белые одеяния с золотым шитьем.

Ваншуй, очевидно, принадлежал к числу последних.

— Брат Янь, ты не сердись на Фуси, — кротко отчитав птицу, Ваншуй с печалью взглянул на узника. — На сей раз ты и впрямь совершил тяжкий проступок. Наказание заслужено, винить некого.

Янь Жунъи промолчал.

Будучи самозванцем в чужой шкуре, он не смел возразить ни слова.

Что странно, никаких воспоминаний о своей прежней жизни у него не сохранилось — лишь стойкое ощущение, что сам он местным не является. Должно быть, штучки недавнего Наставника.

Ваншуй опустил клетку на землю, отпер дверцу и с виноватой улыбкой повернулся к Янь Жунъи:

— Брат Янь, тебя сдерживают Драконосвязующие цепи. Чтобы снять их... придется немного потерпеть.

Юноша был хорош собой, словно сошел с картины, а его голос журчал горным ручейком. Янь Жунъи невольно сглотнул и, улыбнувшись, кивнул:

— Когда рядом такой красавец, разве я стану бояться какой-то боли?

Щеки Ваншуя вспыхнули румянцем, и он с легким немым укором смерил его взглядом.

Сидевшая рядом птица по имени Фуси от такой сцены взвилась и дико заверещала:

— Янь Жунъи! Ты все так же бесстыден и неисправим!

Янь Жунъи растерялся. Что он опять сделал?

Фуси гневно забил крыльями, осыпая всё вокруг огненным дождем:

— Ты что, уже забыл, как называл Ваншуя красавцем, а Учитель за это заставил тебя коленопреклоненно каяться?!

Янь Жунъи смущенно кашлянул и отвел взгляд.

«Похоже, кто-то из предыдущих „постояльцев“ этой тушки отличался точно такой же привычкой чесать языком без разбору».

— Ты... ты просто невыносим! — Бедный словарный запас птицы не позволял выплеснуть всю накопившуюся ярость, поэтому Фуси просто взлетел на край цепи и принялся отчаянно раскачивать тяжелые звенья.

Улыбка на губах Янь Жунъи мгновенно застыла.

— Фуси! — испуганно выкликнул Ваншуй. Призвав меч, он взмыл в воздух и подхватил рассерженную птицу на руки: — Драконосвязующие цепи пронзают ключицы брата Янь! Если ты будешь так шуметь, ему же больно!

— И поделом! — Фуси отчаянно барахтался в руках Ваншуя, хотя сыпавшиеся искры не причиняли юноше ни малейшего вреда. Впрочем, хватку на цепях птица ослабила. — Не помучается — не усвоит урок!

— Брат Янь просто... просто немного особенный.

— Особенный?! — Фуси издал свойственный пернатым холодный смешок. Забавно было наблюдать, как существо, не похожее толком ни на птицу, ни на воробья, умудряется издавать столь презрительные звуки. — Вступить в сговор с теми тварями — это, по-твоему, называется «немного особенный»?!

От этих слов Ваншуй так задрожал, что едва не свалился с летящего меча. Он с нескрываемой обидой и болью уставился на Янь Жунъи.

Закованный в Драконосвязующие цепи Янь Жунъи чувствовал, как у него ломит зубы.

Он понятия не имел, о чем спорят эти двое, но со стороны было очевидно: раздор возник из-за него. И даже будучи фальшивкой, он вынужден был жалобно подать голос:

— Как же больно...

Пока было темно, Янь Жунъи не видел своих ранений, чувствуя лишь тупую, всеохватывающую боль.

Теперь же, при свете огненного хвоста Фуси, у него волосы встали дыбом: помимо четырех цепей, сковавших конечности, еще две железные путы толщиной с запястье насквозь пробивали его ключицы. Ржавые кольца въелись глубоко в мясо.

Видимо, в заточении он провел слишком много времени — плоть буквально срослась с железом, а гной и кровь превратили его одеяния в буро-черное месиво.

— Ах, брат Янь, я сейчас же освобожу тебя! — Опомившись, Ваншуй собрался с духом,

направил меч к самому своду пещеры и сделал несколько пассивных руками. Шесть тяжелых цепей одновременно задрожали.

Зажатый в тиски Драконосвязующих цепей Янь Жунъи зашелся в диком крике. В ушах оглушительно зазвенело, а в следующее мгновение навалилась жуткая, мертвая тишина.

Он слышал, как железо со скрежетом ползет сквозь живое мясо, точно тупые ножи, рвя сосуды и рассекая плоть. Напившись алой, горячей кровью, цепи со свистом выскользнули из его тела, змеями уползли под своды пещеры и сгинули во тьме.

— Брат Янь! — Ваншуй камнем кинулся вниз и подхватил ослабевшего Янь Жунъи под руки, не давая ему рухнуть на камни.

Птица по имени Фуси тоже подлетела и вцепилась клювом в край его полы.

Янь Жунъи обливался холодным потом, с его лица сошла всякая краска, но он все еще находил в себе силы разглядывать юношу вблизи:

— А ты и впрямь хорошенький...

Не успел он договорить, как огненный хвост Фуси поджег его окровавленные одежды:

— Янь Жунъи, сука ты бесстыжая!

Янь Жунъи обессилел настолько, что не мог даже пальцем повелеть. С мрачным видом он смотрел на разгорающиеся на подоле искры:

— Ах ты...

— Что «я»?! — Фуси взмахнул крыльями и в пару ударов сбил пламя. — Так тебе и надо! Нечего было надо мной издеваться! Колесо судьбы повернулось, теперь знаешь, каково это!

— Фуси, — тихо вздохнул Ваншуй, бережно удерживая спутника. — Брат Янь провел на Утесе Размышлений десять лет и полностью лишился культивации. Не злись на него.

Услышав это, Янь Жунъи бессильно откинулся на плечо Ваншуя и слабым голосом подхватил:

— Да-да... я уже одной ногой в могиле... Ваншуй ведь сказал, да? Учитель хочет видеть меня. Если твоя птица сожжет меня до того, как я предстану перед ним... как думаешь, Учитель рассердится?

Фуси чуть не лопнул от злости:

— Янь Жунъи, мерзкий, подлый проходимец! Каждый раз прикрываешься Учителем! Да что за зелье ты ему подмешал?! Ты столько грязи натворил, а Учитель все равно отказывается прогнать тебя из Школы Гор Фушань... Абсурд! Чушь!

Нахохлившаяся пичуга металась вокруг них с бранью. Янь Жунъи слушал его вполуха, краем глаза разглядывая стены пещеры. Они были сплошь испещрены замысловатыми вязями заклинательных ритуалов.

Раз Ваншуй назвал это место Утёсом Размышлений, эти знаки явно не сулили ничего хорошего.

Янь Жунъи попытался поднять руку, но не успел его бледный палец коснуться камня, как Ваншуй поспешно перехватил его кисть.

— Брат Янь, не трогай! — В голосе юноши прорезалась мучительная дрожь. — Тебе... тебе будет больно.

Янь Жунъи замер и уставился на свою плененную руку — на тыльной стороне ладони алел изящный рисунок.

Девятилепестковый кровавый лотос. С каждого лепестка капала кровь. От узора веяло бедой.

— Из-за этого? — Янь Жунъи качнул кистью.

Ваншуй отвел взгляд, в его глазах блеснули слезы:

— Угу.

Янь Жунъи не мог видеть, как плачут красавцы. Почувствовав прилив жалости, он нахально подмигнул:

— Ну чего ты расстроился? Кровавый лотос нарисован на моей руке, а не на твоей.

Услышав это, Ваншуй лишь низко опустил голову и молча повел его вперед.

Темному туннелю, казалось, не было конца. Голос Ваншуя прозвучал отстраненно и одиноко:

— Брат Янь, не шути со мной больше. Когда увидишь Учителя, сразу повинись. Повинись и умоляй его проявить милосердие и спасти тебе жизнь... А когда все закончится, если ты не

захочешь больше видеть того человека, я отправлюсь странствовать вместе с тобой! Куда захочешь, туда и пойдем. Мир огромен, брат Янь, к чему цепляться за того, кто никогда не будет твоим?

На Янь Жунъи вывалилась целая тирада. Голова пошла кругом, и он лишь тупо поддакивал:

— Да-да, конечно, как скажешь.

На самом деле он понятия не имел, о чем толкует Ваншуй.

«Стратегическое руководство», выданное Наставником, было составлено слишком поверхностно. Помимо Школы Гор Фушань и Почтенного Чэнъина, по имени там назывался только главный герой — Ло Юй.

Что же до стоящих перед ним Ваншуя и Фуси... Были ли они вообще упомянуты в тех нескольких сотнях иероглифов?

Возможно, полистай он руководство дальше, там нашлись бы подробности. Но Янь Жунъи бросил взгляд на идущего рядом Ваншуя и посчитал неловким открыто рассматривать свою правую руку.

Переступив с ноги на ногу, он решил завести нейтральный разговор:

— А вам не кажется, что я совсем не похож на себя прежнего?

Янь Жунъи ляпнул это наугад, но Ваншуй и Фуси одновременно замерли. В следующее мгновение они с двух сторон сжали его с такой подозрительностью, словно он собирался сбежать сию секунду.

Янь Жунъи вздрогнул:

— Что случилось?

Фуси затрепетал крыльями и ядовито выплюнул:

— И у тебя хватает совести спрашивать?!

Янь Жунъи растерялся.

— Горбатого могила исправит! Ты как был мерзавцем, так им и остался! — Молчание Янь Жунъи dokonало птицу. Фуси закружил над ними, осыпая их горячими перьями: — Бесстыжая

тварь!

Янь Жунъи обомлел.

Поняв, что его топорная актерская игра зашла в тупик, Янь Жунъи решил больше не мучиться:

— Вообще-то, у меня память отшибло. Если я раньше перед вами в чем и провинился, то простите — ничего не помню.

Фуси издал презрительный звук:

— Пфф!

— Честное слово!

— Думаешь, я поверю?

— ?

Фуси взвизгнул:

— Ты уже в девятый раз заявляешь, что потерял память, кретин!

Янь Жунъи онемел.

«Мать моя... Вот это провал».

Оказывается, ни один из предыдущих неудачников даже не пытался отыгрывать роль!

Однако Янь Жунъи всё же решил побороться за правду:

— Да правда же, не вру! Я вообще ничего не помню. Если не веришь, спроси о чем угодно — я ни бэ, ни мэ, ни кукареку!

Фуси прищурил желтые глазки-горошины и подлетел к самому его носу:

— О как.

Янь Жунъи обрадовался:

— Спрашивай!

— Когда мы впервые встретились, как ты меня назвал?

Откуда Янь Жунъи мог знать, какое прозвище дала птице орава прошлых попадальцев?
Уставившись на взъерошенное пернатое создание, он ляпнул первое, что пришло в голову:

— Пёстрый петух?

По пещере пронесся легкий ветерок. Несколько красивых перьев медленно опустились на камни.

Огненный хвост Фуси вспыхнул с невероятной силой, и под сводами пещеры раздался яростный, оглушительный вопль:

— Сам ты Пёстрый петух, твою мать!!! Янь Жунъи, ты еще смеешь утверждать, что потерял память?! Если я еще хоть раз поверю твоим речам, буду последним свиным рылом!!!

<http://bllate.org/book/20430/2105583>